ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
458
54
Булаховский, Л.
X

Грамматическая аналогия и родственные ей явления в истории чешского количества.

История чешского количества в сопоставлении с количеством праславянским дает четкую картину утраты ряда былых долгот. Наиболее заметные результаты в этом отношении из специально-чешских фонетических явлений дали изменения циркумфлексовых и новоциркумфлексовых долгот в краткости. В словацком процесс сокращения пошел еще дальше, захватив и подударные в прошлом акутовые долготы.

Фонетические явления противоположного порядка (удлинения праславянских краткостей), при всей своей значительности, не могут считаться уравновесившими утраты в долготах, зависевшие от указанных фонетических законов, и сравнительно с праславянским современный чешский, а подавно и словацкий, долготами беднее.

Интересным является учет, в какой мере утрата былых долгот поддержана, кроме фонетических тенденций, еще и аналогическими.

В науке существует утверждение, идущее от авторитетного знатока чешского количества Ф. Травничка, будто «в смысле историческаго развития чешскаго языка видно, что всякая долгота, засвидетельствованная или старо-чешским, или каким-либо современным говором, является прачешской долготой» (ИОРЯС, 1918, XXIII, кн. 2, стр. 20). Ср. и стр. 22: «Видно, что историческое развитие чешскаго количества шло в направлении от долготы к краткости».

Такое положение может заставить думать, что выдвигание долгот аналогией вообще чуждо чешскому языку. Это, однако, не вполне верно, по крайней мере, подобное положение должно быть введено в ограничительные рамки.

Грамматическая аналогия и родственные ей явления психологического (смыслового) порядка обнаруживают, как показывает ближайшее их изучение, в истории чешского количества некоторые определенные тенденции. Процессы, относящиеся к периоду после распадения прачешского языка, в существенном можно свести к следующим:

I. В корневых слогах —

1) Материальные группы обнаруживают тенденцию к обобщению краткостей.

2) Тенденция эта усиливается, если имеются рядом ассоциированные с данными по формальному признаку группы, в материальной части которых сплошь фонетически проведены краткости.

3) Обобщение долгот возможно большей частью лишь в определенных условиях: а) в некоторых случаях разрешения пропорций, б) в смысловых группах, в) в словопроизводстве, г) в немногих случаях, когда непроизводные слова подверглись влиянию более употребительных производных, д) в некоторых исключительно богатых долготами парадигмах.

II. В префиксах господствует тенденция обобщать долготы.

III. В суффиксах в существенном сохраняется старина с относительно редкими колебаниями в ту или другую сторону.

IV. Во флексии преобладает тенденция к обобщению долгот.

I. Тенденция к обобщению краткостей в материальных группах[1] наблюдается в таких категориях: 1) в основах на *-ā;* 2) в основах на *-o* мужеского рода; 3) в основах на *-o* среднего рода; 4) в основах на *-i;* 5) в основах на *-ęt-*; 6) в формах женского рода adject. и partic. на *-la*; 7) может быть, в imperativa'х.

1) Двусложные *ā*-основы с циркумфлектированным гласным корня лишь в отдельных формах имели фонетическую краткость; краткость аналогически возобладала и в тех, где долгота была перед ударением и фонетически должна была бы сохраниться.

Список относящихся сюда слов частично спорен, но подавляющее большинство примеров не оставляет сомнения, что предполагаемое направление аналогии действительно имело место. В таких случаях, как

[1] Имею в виду те явления, которые Вундт называет «innere grammatische Angleichungen», Völkerpsychologie, Die Sprache [3], B. I, 443—445.

brána, brázda, где можно было бы догадываться о противоположном направлении аналогии, верхне-лужицкий своими bróna, brózda, сравнительно с broda, hłowa, в отличие от русск. *бо́рону, бо́розду,* указывает на старую диалектическую окситонезу (ср. и чакавск. Novi — brāzdȕ).

Травничек (ИОРЯС, 1918, XXIII, стр. 13, 17, 20) обратил внимание на др.-чешск. dúša, stiena, zíma, páta, húba «Maul», stránu, dúha и под. (ср. отмеченные Кульбакиным словацк. dúha, hviezda, rieka, úzda). Из них rieka (сербск. acc. sg. ри̏је́ку), dúha (сербск. acc. sg. ду́гу), úzda (русск. только *узду́*), hviezda (сербск. звијѐзду, русск. *звезду́*) тоже, по всей вероятности, старые oxytona. Остальные, приведенные Травничком формы отнюдь не следует обязательно считать фактами обще-чешской старины: это могут быть диалектические колебания, в конечном счете не остановившие общей тенденции, результаты которой мы теперь констатируем в литературном языке и в говорах: duše, stěna, zima и др. (сербск. ду̏шу, сти̏јену, зи̏му).

У oxytona, естественно, первоначальные долготы пострадали меньше, так как меньше было падежей, на чешской почве фонетически сокращавших долготу (dat., instr., loc. pl., gen.-loc. dualis, может быть, instr. sg.). Продукты такого сокращения — řeka, duha, hvězda, střela (ср. чакавск. Novi acc. sg. strīlȕ, nom. acc. pl. strīlȇ и acc. sg. strîlu, nom. acc. pl. strîle), snaha (чакавск. snāgȕ), ruda (чакавск. rūdȕ, русск. *рудý*), может быть, vlaka «невод» (чакавск. vlākȕ «временный путь, которым тащат вырубленный лес») и др.

Barytona с исходной акутированной интонацией, как убедительно обосновано Травничком (Časopis pro moderní filologii, 1912, II, стр. 3 нач., 100 и сл., 196 и сл.), исходною — в чешском имели долготу; фонетически она утрачивалась лишь в отдельных падежах (таковыми следует считать instr. sg., gen. loc. и dat.-instr. dual., dat., instr. и loc. plur.[2] Далее же произошли обобщения, приведшие в ряде

[1] Чакавск. (Novi) zvêdzu, может быть, не первоначально.

[2] Т. е. *rýbǫǫ > *rybǫǫ > rybú в начале трехсложного слова; *rýbú > rybú — перед сохранившейся конечной долготой; *rýbám > rybám перед долготой суффикса; *rýbami > rybami так же, как *rýbǫǫ; *rýbách > rybách.

случаев к переходу всей парадигмы в краткостную (по счету Sedláček'a для литературного языка (Listy filol. XXXVII, 22 и сл.) в 14 бесспорных случаях; со спорными число это надо заметно увеличить); в других — сохранены старые отношения, т. е. краткость лишь в формах, где она была законной по причинам фонетическим.[1] Случаи колебания между обоими типами многочисленны: koura — kura, smouha — smuha и под.[2]

2) *O*-основы и основы на -u masc. gen. — В статье «Ke kvantitě mužských kmenů na -o, -jo a -u v češtině» (Listy filol. 1921, XLVIII, стр. 104—111) Травничек пересмотрел вопрос о соответственных словах, имевших первоначально акутированный гласный корня, resp. фонетическую долготу, и потом ее утративших. Не все его объяснения кажутся мне убедительными, но материал не оставляет сомнения, что разрушение долгот в большинстве случаев следует относить к исторической эпохе: ср. диал. čás, hád, jíh, kráj, lár, plouh, rák при литературных čas, had, jih, kraj, laz, pluh, rak (сербск. чȁс, гȁд, јȕг, крȁј — gen. sg. крȁја, лȁз, плȕг, рȁк, словинск. čàs, gàd, jùg, kràj, plùg, ràk; отступает lâz).

Некоторые из нынешних краткостей могут быть, как я пытаюсь доказать в другом месте, результатом специальных условий: напр. bratr может восходить ко вторичному *brâtьr < *brâtrъ; jih может отражать широко распространенное колебание в условиях sandhi между i — i (jí — ji); děd, как pan, могло получить сокращение в условиях проклизы при именах собственных; (děd может стоять также под влиянием dědek); к svat ср. starosvat, где сокращение было фонетическим; в kur «петух» (при kour) ясно влияние kura «курица» (при koura) или kurek. Но для большинства случаев мне кажется необходимым думать о том, что в отдельных косвенных падежах долготы во флексии вызывали сокращение предшествующего коренного гласного (не решаю вопроса, непосредственно ли или через промежуточную стадию

[1] О частичных отклонениях ниже.

[2] Не перечисляю отдельных говоров, весьма немногочисленных, где обобщены во всех падежах долготы у отдельных слов с коренным *á* (ср. Bartoš, II, 228).

перехода интонации предшествующего слова в новоциркумфлексовую); так, мне представляется вероятным, что конечное u было долгим в dat. sg., ср. k-večerú — k-večerou; долготы же имелись в gen., dat., instr., loc. pl., gen.-loc. dualis, ср. gen. pl. -ōv > ův (старое окончание *o* — основ -ъ (*ъ̄) сопровождалось изменением акутовой интонации в новоциркумфлексовую, ср. чакавск. gen. pl. čâs при nom. sg. čȁs, т. е. в конечном счете также приводило к краткости, см. у neutra léta — let); dat. pl. -ům, instr. pl. -ý (в таком виде сохранившееся диалектически), loc. pl. -íech > -ích, gen.-loc. dualis -ú > ou.

Кроме того, как позволяет догадываться аналогия словинского языка, изменение интонации совершалось в voc. sg. и в instr. sg. перед окончанием -ъmь. Возможно также, что первоначально долгим было и так сохранялось в прачешском окончание gen. sg. u-основ, переносившееся на *o*-основы.[1]

Падежи с краткостью с течением времени повлияли на те, где фонетически сохранялись долготы.

В единственном oxytonon, утратившем фонетическую долготу, um (русск. gen. sg. *умá,* сербск. gen. sg. ýма < ūma), считаю утрату фонетической в условиях sandhi (ср. чешское колебание между начальными ú и u и словинск. úm и ùm).

Примечание. Обратные явления — случаи удлинений немногочисленны.

Травничек (op. cit., 105) перечисляет несколько циркумфлектированных корней, выступающих в данной категории с долготою. Из них, судя по словацк. riad, smiech, trúd = трут, vír, žiar, šíp и словинск. smẹ́h (при smệch), русск. *шип,* gen. sg. *шипá,* — старые варианты с конечным ударением; o řád — польск. rząd — rządu см. van Wijk, Roczn. Slaw. IX, 98;[2] к prút, ср. Јужносл. Фил. II,

---

[1] К гипотезе о сохранении рефлексов дифтонгов в виде долгот на конце слова см. мои «Акцентологические этюды», Јужнослов. Фил. IV, 133 и след., и V, 88—90.

[2] Есть также возможность догадываться о том, что формы с долготой отвлечены из pořádek, словацк. poriadok, польск. porządek, словинцск. pəřṓu̯tk < *porędъ'kъ Ср. Gebauer, I, 108 — pořád.

293. Старое oxytonon имеем, вероятно, и в ráz, ср. словацк. raz «раз» (< *râzъ) и ráz «характер, чекан» (*rāzъ'). По поводу hnát, на отступление которого от показаний словинского языка обратил внимание Sedláček (Listy fil. XXXVII, 38, ср. и серб. гнâт) укажу на свидетельство словинцского в пользу окситонезы: gnå̯ut.[1] Bloud не является историческим продолжением праслав. *blǫdъ (сербск. блу̑д, словинск. blǫ̑d), которому, как справедливо заметил van Wijk (Roczn. Sl. IX, 98), соответствует чешск. blud «заблуждение», а отвлечено, вероятно, из bloudek «дурачок, простачок» с тем же значением. Фактами такого же порядка являются диалектические brous, отвлеченное из brousek (ср. и словацк. brús), stán из stánek, dár из dárek, chlád из chládek.

Обсуждая остальной диалектический материал, привлеченный Травничком, следует заметить, что chláp вовсе сюда не относится (старая интонация в этом слове — акутовая: русск. *холо́п*, сербск. хла̏п; см. и van Wijk, ibid., 95); hlád существует лишь в специфическом выражении já mám hlád; Bolehrád, как собственное имя, да еще многосложное слово, малодоказательно; strách, вероятно, аффективная форма (ср. hrůza вм. *hroza с тем же значением «ужас, страх»). В нескольких других диалектических примерах имеем факты, по всей вероятности, тоже старого колебания места ударения: čún, вариант, соответствующий русскому gen. sg. *челна́*, украинск. *чо́вен*, gen. sg. *човна́*; sád, может быть, вариант, связанный с различием значения «meznik»; с blésk ср. сербск. бли̏јесак — gen. sg. блијѐска < *блијеска'. По поводу bĭh возможна догадка, что это диалектически обобщенная форма из *bĕgъ'mь — русск. *бего́м*, где фонетически ожидалась бы долгота. Обобщению благоприятствовало господство в употреблении последней формы. Диалект. na bříhu, pod bříhem, может быть, восходят к старым формам с ударением окончания, ср. русск. *на берегу́*.[2] Mrák имеет необычный pl. mráka: ср. mráka f. sg. с тем же значением. Что касается литературного žír «1) скотский корм, особенно жолуди; 2) жир», то тут не исключено влияние požírati «пожирать». В sníh —

[1] Опускаю несколько сомнительных случаев, не упомянутых Травничком (štír, týl и др.).

[2] Ср. Trávníček, op. cit., 109.

sněhu вижу влияние dĕšť' — deště. Без объяснения оставляю несколько других спорных случаев: диал. hlás, smrád, múž,[1] в памятниках sviet, sýn, viek — в литературе и в большинстве наречий фонетические hlas, smrad, muž, svět, syn, věk.

3) Основы на o neutr. gen. Эту категорию вношу в данный список не без некоторых сомнений. Исходные пункты обобщений спорны, и убедительность примеров зависит в значительной степени от согласия с двумя предпосылками. Мне кажется вероятным, во-первых, что в nom.-acc. plur. двусложные o-основы neutr. gen. меняли перед *ā, подобно словинскому, акутированную интонацию на новоциркумфлексовую (ср. словацк. nadrá, perá, polia, letá и под.,[2] словинск. kopîta, dẽla, словинц. kopãtâ без оттяжки ударения к началу, чакавск. nebesá, imená, Белич, посавск. poljã, zvonã, nebesã, Ившич. Это же происходило и в других падежах с сохранявшейся конечной долготой[3] или в тех, где были специальные условия для изменения интонации (instr. sg.).

Во-вторых, возможно, что в сочетаниях с предлогами, состоящими из полного гласного, некоторые слова, делавшиеся наречными выражениями, утрачивали долготу коренного слова, параллельно фонетическому сокращению акутовой долготы срединных слогов: ср. моравск. v létě — po letě (Bartoš, Dialektol. mor. I, стр. 9).

Обе индуцирующие категории по своей природе маловлиятельны, и потому многочисленны колебания, разрешающиеся иногда дифференциацией значений.

Исходя из явлений первого рода, следующим образом толкую относящиеся сюда примеры:

---

[1] Травничек приводит его из памятников. Ср. у Hošek'a, Nářečí českomoravské, I, Podřečí Polenské, 1900, стр. 22 — форма, как замечает Травничек по поводу параллельной у Душка, III, 22, 23, новая: ср. ú, а не ou.

[2] Несмотря на сомнения Torbiörnsson'a, Språkvetenskapliga Sällskapets i Upsala Förhandlingar 1919—1921, S. 84—92, Zeitschrift f. slav. Phil. I, 77—78, совокупность показаний славянских языков заставляет думать здесь скорее о явлениях праславянских, чем специально словацких.

Для них, как указывалось выше (при masculina), речь может итти и просто о сокращении коренного гласного.

В ňadra (сербск. нѐдра), употребляющемся только во множественном числе, вижу закономерную форму.[1] Leto при léto, может быть, под влиянием pl. leta (при léta). Особенно влиятельным мог быть у этого слова gen. pl. — pět let и под. Влияние pluralis вызвало формы město и т. д. при místo, dělo при dílo с различием значений «1) город, место, 2) пушка, дело, произведение». Ему же могут быть обязаны краткостью žito (при žíto), bydlo, bidlo. Появление šidlo при šídlo ставлю главным образом в связь с влиянием instr. sg. в виду орудного значения предмета («шилом»). К влиянию сочетаний с предлогами возвожу — jitro (при диал. — jïtro) — za jitra, при чем здесь мог играть роль еще и известный фонетический момент — положение jï — после гласного.

Удержали долготу малоупотребительные в pluralis máslo, sádlo, mýdlo, jídlo, síto и кроме того, roucho, pouto, rádlo. По поводу roucho «одежда» можно думать о влиянии родственного roucha «холст, полотно» (ср. и неясное словацк. rúcho, указывающее на *rūchŏ при областн. ruho).[2] Pouto «путо» и pl. pouta «путы, кандалы» (ср. и poutlo «путло») отражают, вероятно, влияние глагола poutati, расходящегося с русск. *пу́тать*, ср. моравск. puto (Bart. I, стр. 9), моравск. sito (Bart., I, стр. 9), быть может, из sitem и под.

Примечание. Диалектические maslò (Bart. II, 65, 108), sadlò (Ibid. 65, 91) radlo (228), mydlo (13), если это не словакизмы, могут быть фонетическими формами к старым новообразованиям *masъlo, *sadъlo и под. Для radlo, mydlo возможна догадка и о роли instr. sg.

---

[1] Несовсем ясна форма ňádra, которую приводит, напр., в своем словаре Ранк (но у него же chovati hada za ňadry); ср. и указатель к Mluvn. Gebauer'a (I) (в тексте ňadra). Влияние jádra, játra с долготой из новоакутовой? — Ему могло помочь отношение ňader gen. pl.: nom. plur. X. Любопытно, что из словацкого Czambel (Rukověť, 66) приводит ňádra, но jatrá, а Мичатек (Дифференциальный словарь) как раз обратное: ňadrá, но játra.

[2] Л. Мичатек. Дифференциальный словенско-(словацко)-русский словарь, 1900, стр. 192.

Старые oxytona сохранили фонетические долготы: kŕídlo, číslo и под. (русск. *крыло́, число́*). Отмеченное Седлачком vědro вряд ли явление специально чешское: ср. сербск. вjѐдро с краткостью, под влиянием параллельного *vedro[1] — словинск. vẹ́dro и vẹ́dro.

4) Основы на i. Акутированные односложные основы на -i обнаруживают в чешском языке преимущественно краткость, обобщившуюся в соответственных парадигмах. Отправные фонетические пункты спорны, но ясно, что какой бы ни принять исходный момент, придется признать, что часть форм получила краткость не фонетически. Можно думать, что история i-основ в чешском в существенном была параллельна словинскому, т. е. ряд падежных форм в прачешском сохранял конечные долготы, вызвавшие изменение интонации предшествующих акутированных долгот, ср. словинск. gen. sg. nîti, dat. sg. nîti, loc. sg. nîti, gen. sg. kopệli, dat. sg. kopệli и т. д. < nítī, *kopẹ́lī и под., словинц. dat. sg. vȕosï, loc. sg. vȕosï и под.[1]

Для тех, кто принимает сокращение акутированных долгот в односложных словах с закрытым слогом (опять таки параллельно словинск. nìt, dlàn), количество влиявших падежей с краткостью повышается: сюда входят еще nom.-acc. sg. Лучше других сохранили долготу plur. tantum húsli > housle, но в моравском наречии — husl'e (Bart., II, 14); а jěsli, ново-чешск. jesle, диал. jasla, кажется, никаких следов долготы не сохранило.

Кто сомневается, как и я, в справедливости этого закона, мог бы отметить др.-чешск. tál «obses» (название лица), как сохранившее форму nom. sg. с долготой. К сожалению, долгота в этой форме слабо засвидетельствована.[2]

Из других — долготу удержали немногие: kád', řit' (обычно употребляется только řit'; только такая форма отмечена у Гебауера, III, 1, 390 стр.), náv (др.-чешск.), теперь вымершее.

---

[1] Ср. мои «Акцентологические этюды», Южнослов. Фил. IV, 133 и след., и V, 89—90.

[2] Gebauer, III, I, 363: «Podle rýmu podobá se, že slabika tál — byla dlouhá».

Сократили долготу dlaň, nit', myš, вероятно, nat', měd' и zet', перешедшие в jo-основы: сербск. дла̑н m., ни̑т m., ми̑ш m., зе̑т m. (теперь o-основы), словинск. dlàn (gen. sg. dlanî), nìt (gen. sg. nîti) zèt (gen. sg. zéta); к nat' ср. резьянск. nàt при краинск. nât, к měd'— болгр. мѣ́дьта (J. Ф. II, 289), сербск. мје̑д при словинск. mêd (gen. sg. mẹdî). Murko (Slovensko-Nemshki besednik, 1833), замечает «man hört auch mèd». Литературному skŕáň соответствует моравск. škraň (Bart., I, 21).

Примечание. Формы, в прошлом имевшие акутированную интонацию, сохранившиеся в виде долгот, мы имеем с долготою же спорного происхождения в типе на согласный nь: báseň, píseň и под. — др.-чешск. básn, básň, piesn, piesň и под. (ср. долготу и в словацком, в других случаях сократившем акутированные долготы: báseň, pieseň.[1])

Другие образования с долготой частично представляют рефлексы новоакутовой: pláň — pláně, tíž — tíže и под. или старые oxytona, параллельные таким праславянским, как *pǭtь', *lūčь' (чешск. pout', louč, сербск. пу̑т, gen. sg. пу́та, словинск. pǫ́t f., lúč f., русск. gen. sg. *пути́*).

Среди них есть спорный материал, но всегда имеющий параллели или в словацком, или в других языках, указывающих на конечное в прошлом ударение: síň — словацк. sieň, píd' — словацк. piad', sít' — словацк. siet', словинц. sẹ̑c и под.

О páč см. Gebauer, III, I, 400.

5) Основы на ęt-. В двусложных словах с акутированным гласным корня в nom. и acc. sg. Фонетическим рефлексом является в чешском долгота. Вм. *kúrę теперь в литературном языке kuře,[2] вм. *jágnę —

[1] Расходится с чешским — pleseň (чешск. plíseň), но, как показывает сербск. плӣесан, в этом слове интонация была циркумфлектированная, и фонетический факт наблюдается именно в словацком.

[2] Гебауер говорит (I, 595), что в «nč. píše se kuře, ale v jazyku obecném slyší se kúře». По всей вероятности, судя по ú, а не ou это скорее долгота новая, обязанная влиянию всей многочисленной группы основ на -ęt с былым наконечным ударением (house и под.), или диалектическая форма. В старо-чешском известна была и фонетическая форма, ср. kauře.

jehně (ср. и jěřátko, Geb., I, 97) — сербск. jа̑гње, jа̀ре, словинск. kúre, gen. sg. kúreta), под влиянием остальных форм парадигмы, сокративших долготу в начале многосложного слова. Во vnuče—vnouče вижу колебание *vъnúčę и *vъnučę[1]. Любопытно, что в основах на -en- и -er-, может быть, сохранена фонетическая форма acc. sg.: kámen, máteř (ср. и nom. sg. mát', mátě и др.-чешск. kám), при gen. sg. и далее — kamene, mateře, símé (nom.-acc. sg.) — semene, rámě — ramene. (Камей встречается только в диалектах). Объясняю это различие от основ на ęt более тесной ассоциированностью форм при производительнем суффиксе (-ęt), чем при непроизводительных (er, en).[1]

6) Формы sg. fem. у adjectiva у part. praeter. на -lā-.

В nom. sg. fem. у adjectiva (у форм нечленных) и part. praet. на -la при циркумфлектированных корнях в формах двусложных ожидается долгота: ср. сербск. на́га, жи́ва, кри́ва, пи́ла, би́ла, да́ла и под.[2] Мы имеем, однако, в результате влияния остальных форм парадигмы последовательно-проведенную краткость: nah — naha, živ — živa, křiv — křiva, pil — pila, byl — byla, žil — žila и под.

Нужно, впрочем, заметить, что, поскольку то же явление наблюдаем в польском и кашубском, нет уверенности, что оно произошло именно на чешской почве, а не раньше.

7) Теория количества чешских imperativ'ов представляет много спорного. Можно думать, однако, с серьезными основаниями, что, по крайней мере, в акутированном подударном на корне типе сокращение в singularis является результатом влияния многосложных форм pluralis и dualis: *múči > muči под влиянием mučivě, mučime, mučite (сербск. мȕчи — мȕчите); *slýši > slyši под влиянием slyšivě, -me, -te (ср. словинск. slíši — slíšite); *máži > maži под влиянием *maživě (*mažěvě), *mažite (*mažěte) и под. (ср. сербск. мȁжи —

---

[1] Сравните соответственные данные для словинского в моей статье «Die Akzentzurückziehung im Slovenischen», Zeitschr. f. slav. Phil., II, 400 sqq.

[2] Русские формы для прилагательных не приводятся, так как в русском языке обнаруживается тенденция к нефонетическому обобщению в sg. fem. конечного ударения, ср. *слабá, чистá, правá* (раньше — прáва) — сербск. слȁба, чȉста, прȁва.

ма̏жите, словинск. máži — mážite); *búdi > budi под влиянием *buděte и под. (ср. сербск. бу̏ди — бу̏димо — бу̏дите, словинск. bǫ́di — bǫ́dite и т. д.); *vádni > vadni — под влиянием *vadněte и под. (сербск. ве̏ни — ве̏ните, словинск. vę́ni — vę́nite).

8) Фонетические долготные формы 1 p. sg. praes. ind. вытеснены краткостными формами остальных лиц и чисел почти без остатка: т. е. др.-чешск. vízu : vidíš : vidí > др.-чешск. и диал. vizu, vidíš и т. д. Две лишь фонетические формы 1 p. sg., сохранившиеся в памятниках, — právi и vízi отмечены Гебауером (I, стр. 605).

9) Part. praet. на -vъ: biv, kryv, psav утратили долготу под влиянием фонетических форм на -vši < *vъši, -vše < *vъše и под. с краткостью: bivši, kryvši, psavši, tkavši и под.

II. В других случаях уклон в сторону обобщения краткостей в материальных группах, вероятно, поддержан ассоциированной формальной категорией того же грамматического значения. Сюда относятся:

1) Формы некоторых praes. indicativi III класса:

В группе типа *koljǫ : *kolti с исходными краткими гласными (o, e) в параллель долготному типу с новоакутовой интонацией (*pīšǫ' : pîšeši, *pîše) в формах 2, 3 p. sing. и далее появилась уже в праславянскую эпоху новоакутовая интонация краткостей, рефлектирующаяся в чешском в виде удлинения (ó > ů; é). Четкое свидетельство ее существования мы находим в словинском — kǫ́lješ, hǫ́češ, pǫ́lješ и в русских диалектах (Лека и др.) — *хѡцыги, пѡр̑ит, пѡл̑ут.*

Отсутствовала она в 1 p. sing., где ударение приходилось на конечное *ǫ, а в чешском еще, согласно общему правилу о сокращении ó, é перед следующим слогом с сохранившейся долготой, в 3 p. plur.

В современном чешском в большинстве случаев долгота форм, где она была фонетической, утрачена под влиянием форм краткостных. Мнение Вондрака (Vergl. slav. Gramm.², I, 327—328), предполагающего, что сохранение или утрата рефлексов долготы в краткостных корнях у чешских глаголов этого типа стоит в связи с качеством согласного, которому предшествует соответственный гласный, мне представляется ошибочным. И сам Вондрак указал, что chóceš противоречит его положению о сохранении долготы перед звонкими. Остальные при-

водимые им примеры распределяются, я думаю, не по звонкости и глухоте следующего за гласным согласного, а в зависимости от наличия или отсутствия влиятельной пары из класса -*ajǫ — *aješi > -aju, -áš. Ср. к tešeš, klepeš, třepeš, češeš, šepceš, žebřeš — tesáš, klepáš, třepáš, česáš, šeptáš, žebráš. Особняком стоит stůňu и т. д.

2) В формах, соответствующих праславянским аористам *bíchъ, *bíchomъ и т. д., фонетически ожидалась бы долгота (ср. сербск. би̏х, би̏смо, би̏сте, би̏ше). Утрату ее, по всей вероятности, следует поставить в связь с влиянием префиксальных форм вроде *pobíchъ, *pobíchomъ, *pobíste, *pobíšę, где фонетически в корневом гласном должна была являться краткость.

Особую группу представляют материальные части adverbia на -o и -ě, ассоциированных с близко-родственными им adjectiva. В ряде случаев adverbia с акутированным в прошлом коренным гласным подверглись влиянию членных прилагательных, возобладавших над именными в историческую эпоху. Ср.: čisto (др.-чешск. нечленное adjectivum číst) — čistý (сербск. чи̏ст, словинск. čȉst; в членной форме — или, согласно известной теории А. Белича, изменилась акутовая интонация в новоциркумфлексовую, отраженную в чешском в виде краткости, или акутовая долгота сократилась перед долготой из стяжения); ticho[1] (ср. др.-чешск. tích) — tichý (сербск. ти̏х, словинск. tìh, Rad. 132, 122); slabě (ср. sláb) — slabý (сербск. сла̏б, словинск. slȁb); mile, при míle (др.-чешск. míl) — milý (сербск. ми̏о, ми̏ла, словинск. mìl, Rad. 132, 152); pravě (ср. práv и právě с дифференциацией значения, Gebauer, III, I, 282) — pravý (сербск. пра̏в, словинск. prȁv), jisto (др.-чешск. jíst): jistý; может быть, syto (сербск. си̏т, словинск. sìt): sytý[2] и syt.

---

[1] Диалектическое tícho Вондрак, Vergl. slav. Gr.[2] I, 258, толкует, как эмфатическую форму.

[2] Неясными остаются словацк. sýty, do sýt: в обоих случаях ожидалось бы фонетическое сокращение.

III. Условия, в которых наблюдаются, наряду с обобщениями краткостей, и обобщения долгот, главным образом, сводятся к следующим случаям:

1) Разрешение пропорций.[1]

α) В пользу краткостей пропорции разрешились в таких категориях:

a) У partic. praeter. на lъ. В глаголах типов *pьsati, *tъkati[2] формы с акутированным гласным уподобились формам, имевшим *ā циркумфлектированное: psal, psalo, psali, psaly, tkal, tkalo, tkali, tkaly из *pьsálъ, *pьsálo, *pьsáli, *pьsály, *tьkálъ, *tъkálo и т. д. (сербск. тка̏ло, тка̏ли и т. д., словинск. tkàł, tkálọ и т. д.), по аналогии bral, bralo, brali, braly и под. из *bьrâlъ, *bьrâlo, *bьrâli, bьrâly и под. (серб.-чакавск. brâl, brâli и под., словинск. brâł, brâlọ, вм. bralộ).

Разрешение пропорции можно представить в виде bráti : psáti, tkáti = bral : x = bral : psal, tkal.

Подобные же отношения имели место и у типов *bílъ, *krýlъ, *stálъ: ср. *bŷlъ, *vîlъ, *dâlъ (серб.-чакавск. bîl, bîlo, bîli, dâl, dâlo, dâli, словинск. bîł, bilộ, bilî). Пропорция — býti : bíti = byl : x = byl : bil.

Примечание. Не касаюсь вопроса, не было ли в форме sg. fem. изменения интонации в новоциркумфлексовую, resp. в чешскую краткость. Словинский уполномачивает на такую догадку для интересующих нас типов klâla, tkâla и под.

По теоретическим основаниям возможно о таком же изменении думать и для pl. neutr. Есть, однако, основания в двусложных словах словинское изменение интонации в формах part. на la рассматривать как вторичное.

---

[1] Ср. W. Wundt. Völkerpsychologie, Sprache, I³, 445 и след.: Äussere grammatische Angleichungen. В этом разделе рассматриваю разрешение пропорций в родственных формах словоизменения. О других подобных явлениях см. в рубрике 3 (словообразование).

[2] Непроизводительную примету класса, входящую в состав слога, нахожу удобным рассматривать вместе с корнями.

b) У supina. Как можно думать на основании показаний западнословинских говоров, в праславянском супины у одних глаголов звучали с циркумфлексовой интонацией — *pîtъ, *bьrâtъ, у других же с акутовой — *bítъ, *kóltъ, *tъkátъ (ср. в St.-Georgen'e pìt, brāt, но bìt, klàt, tkàt).[1] В чешском в соответствии последним случаям ожидалось бы *bít, *klát, *tkát. Обобщение краткостей, вероятно, следует отнести за счет противопоставления долготы в инфинитивах краткости в супинах: bráti, píti : kláti, tkáti = brat, pit : x = brat, pit : klat, tkat.

c) Pronomina possessiva, соответствующие современным литературным náš, naše, naše, naši, váš, vaše, vaše, vaši, звучали раньше náš, náše, náši, váš, váše и т. д. В двусложных формах á — фонетический рефлекс, соответствующий акутированной праславянской интонации: сербск. нâш, нâша, вâш, вâша. В формах трехсложных и таких, где окончание сохранилось как долгота, фонетическим являлось сокращение.[2] В современных отношениях литературного языка можно уверенно видеть уподобление отношениям в родственных můj, moje и т. д., tvůj, tvoje и т. д. Тесная ассоциированность этих слов с náš, váš, naše, vaše подтверждается и словацким, где, наоборот, нефонетической следует считать долготу в формах nom. sg. masc.: под влиянием môj : moja, moje, tvôj : tvoja, tvoje, вместо *naš : naša, naše, *vaš : vaša, vaše, явились náš; váš : naša, vaša. По аналогии с теми и другими: sám, sama, samo.

β) В пользу долгот пропорции разрешились:

a) У gen. plur. Фонетическим было удлинение у этой формы в двусложных ā-основах с циркумфлексовым и кратким гласным корня и у oxytona: ср. чакавск. brādâ, acc. sg. brâdu — gen. pl. brád, līhâ, acc. sg. līhŭ — gen. pl. líh. Поэтому диалект. strán, hláv можно считать архаизмами, а не новообразованиями. Диалектические же формы strák (nom. sg. straka), múk (nom. sg. muka) и под. — действи-

[1] Подробнее в статье «Die Intonation der slavischen Supina». Zeitschr. f. slav. Philol. IV.

[2] Ср. Trávníček. K vývoji čes. kvantity. I. náš, náše atpod., Sborn. prof. Jana Máchala, 1926, 349 sqq.

тельно новообразования, вызванные к жизни сильным разрушением акутированных существительных этого рода (*stráka, *múka, диалект. rýba), утративших примету своей группы. В словацком, где группа эта исчезла фонетически, вследствие закона о сокращении акутовых долгот (закон Кульбакина), проведено последовательно и удлинение в gen. pl.— kráv, žiab, žníc, распространившееся и на многосложные, лишь относительно небольшая часть которых могла иметь его фонетически, именно oxytona и, может быть, те, где выступала в парадигме новоциркумфлексовая: besied, motýk и под.[1]

Gen. sg. o-основ менял интонацию подударного акутированного гласного и заударного долгого носового, повидимому, на новоциркумфлексовую: чакавск. čȃs — gen. pl. čȃs, словинск. gen. pl. dȇl. Отсюда фонетическая краткость в этой форме в чешском: dílo — gen. pl. děl, léto — gen. pl. let, peníz — gen. pl. peněz. Наоборот, при циркумфлектированных подударных и заударных гласных фонетически являлась новоакутовая (в последнем случае на заударном для nom. sg. слоге), откуда фонетическая долгота в чешском (и словацком): чакавск. vlȃs — gen. pl. vlásĭh, русск. *во́лос* — gen. pl. *воло́с*, чакавск. ȍbrūč — gen. pl. obrúčĭh, чешск. tělo — gen. pl. tíl.

Долгота должна была выступать и у oxytona: чакавск. brést — gen. pl. bréstĭh.

Так как многие акутированные в праславянском корни этих основ на чешской почве утратили фонетическую долготу, то они естественно получили gen. plur. долготные, по аналогии слов, искони имевших корень циркумфлексовый: ср. ходск. nom. sg. čas — gen. pl. čás. В словацком тоже čias. Что касается др.-чешского, то Гебауер (III, 1, 56) пишет: «...podobá se, že v jednoslabičných genitivech těchto bývalo zdloužení také v stč... jisto to však není».

Примечание. Возможно, что продукты аналогии представляют диалектические gen. pl. от ę̄t-основ: prasát, kuřát и под.

---

[1] Сюда отношу префиксальные ā-основы, слова вроде motyka (словинск. motîka), образования с суффиксом -ava (словинск. dobrâva) и под.

Относящиеся сюда показания других славянских языков, и особенно словинцских vǝtrǝčǒ̧t при votrù̧čą̇t — спорны и не дают оснований для твердых выводов.

b) У нечленных adjectiva. Отношения, характерные для акутовых корней — slâb : slabý, prâv : pravý, породили у отдельных циркумфлексовых прилагательных, где в обеих формах выступала краткость,[1] замену краткости в нечленной форме долготой (проникшей и в соответственные adverbia): так явились вм. *nâgъ > nah — др.-чешск. náh, вм. *krîvъ > křiv — др.-чешск. křív, křívě и даже в трехсложных — др.-чешск. znamenít, spravedlív, velíce и под.

В конечном счете эта тенденция не оказалась сильной, и в современном языке мы имеем фонетические формы: nah, křiv, křivě, tuho, tuze (túze «очень» — аффективная форма, ср. Vondrák, Vergl. slav. Gr.[2] I, 258), živ, znamenitě, spravedlivě, velice и под.

Удержалось mlád, но только благодаря ассоциированности по смыслу со stár.

c) У infinitiva. Аналогия отношений «долгота в инфинитиве — краткость в супине», характерная для ряда долготных типов (bráti : brat, spáti : spat, víti : vit, líti : lit, mříti : mřet, ср. словинск. bráti : brât, spáti : spât, víti : vît, líti : lît, mrę́tí : mrę̂t, вызвала появление при супинах nest, vest, bost инфинитивов nésti (при nesti), vésti (при vesti), bûsti.

Примечание. Словацкие формы с согласным перед окончанием niest', hrýzt', klást' (ср. и part. praeter. niesol, hrýzol, kládol) представляют, вероятно, фонетическое удлинение в ре-

[1] На чешской почве я не нахожу надежных следов предполагаемого Белича для праславянского языка изменения в членной форме циркумфлексовой интонации в новоакутовую. Отдельные случаи вроде skoupý могут представлять членные формы к вариантам нечленных с ударением на конце. Что касается наиболее веско говорящих в пользу этой части теории Белича pátý, devátý, desátý, то по отношению к ним можно думать о действительно фонетических *devętъjь, *desętъjь с новоакутовой, аналогически проникшей и в *pętъjь. Ср., однако, и sâm pát, sâm desát и под., Geb. III, I, 272, говорящие о конечном ударении в праславянском у нечленных форм. Другие догадки — в «Зап. Істор.-Філ. Відд.» Укр. Акад. Н., XIII—XIV.

зультате редукции конечного i. Формы part. praet. получили долготу или в результате постоянной ассоциированности с ними, или в части случаев, притом только у masc. sg., фонетически из *neslъ[1] и др., имевших конечное ударение (ср. русск. *несла́, несло́, несли́*).

d) У группы форм praes. ind. III класса.

Как отметил Ван-Вейк, Arch. für slav. Philol., XXXVI, 373: «Im Čechischen entwickelte sich durch den Zusammenfall gewisser vor *e* palatalisierter Konsonanten mit den aus denselben Konsonanten + *j* entstandenen Gruppen die Neigung, die wenigen zu *ā*-Infinitiven gehörigen Präsentia ohne *j* umzubilden». С этим стоит в связи обычное отношение beru (1 sg.), berou (3 pl.), но béřeš, béře и т. д., т. е. тенденция проводить долготу, главным образом в формах, совпадающих внешне с теми, в которых действовала йотация.

Случаи проникновения долготы в 1 sg. и 3 pl. под влиянием остальных форм данной материальной группы встречаются, но только изредка, и широкого распространения не получили (ср. Gebauer, III, II, 375).

e) Особенно благоприятным условием для разрешения пропорции в пользу долготы следует считать тенденцию к различению омонимичных форм: так, повидимому, эта именно тенденция сыграла решающую роль у аористов: ясно, что формы вроде vȇde непервоначальны и, скорее всего, имеют долготу под влиянием параллельных акутированных аористов вроде *lе́ze или отдельных имевших конечное ударение: ср. сербск. ѝде (где сокращение i могло произойти уже на сербской почве). Тенденцию провести различие между формами 3 praes. и 3 аог. можно констатировать и в сербском и болгарском: сербск. мо̀же (praes.) — мо̀же (аог.), болгр. мо́же (praes.) — може́ (аог.).

2) Смысловые группы.[1]

Как примеры явлений этого рода можно привести:

Mlâd вм. mlad (сербск. мла̑д, словинск. mlâd, русск. *молодо́й*) — в результате ассоциации со stâr (сербск. ста̑р, словинск. stâr, русск.

[1] Ср. Wundt. Völkerpsychologie, Die Sprache I[3], «Begriffliche Angleichungen», S. 448 sqq.

стáрый). Ср. украинск. *старíй* под влиянием *молодíй* и чакавск. stárek «старший подмастерье на мельнице» под влиянием mládek «старший помощник мельника».[1] Hloupý вм. hlupý — русск. *глýпый*, вероятно, под влиянием moudrý (с долготой из новоакутовой: праславянск. *mǫdrъ с конечным ударением).

Словацк. šiesty, siedmy, ôsmy (и параллельные факты в моравских говорах): ср. piaty, deviaty, desiaty (чакавск. pétí, devétí, desétí, словинск. pẽti, devẽti, desẽti).

Obouti вм. *obuti «обуть» — под влиянием zouti «скинуть (сапоги, чулки и под.)».

Может быть, sníh — sněhu вм. sněh по аналогии déšť — deště.

Особый случай уподобления по родству понятий мы имеем в диалектических формах ósle, wůsle, téle, týle, kůzle (см. Gebauer, I, 595).

Очевидно, при живых суффиксах с большим количеством долготных образований в корне (ср. house, -ete, dítě — ěte, hříbě, -ěte и под.) оказывается возможным обобщение долготы и в тех словах, где фонетической она не была. Явление это, однако, широкого распространения не имеет.

Из материала Dušek'a (Hláskosloví nářečí jihočeských, II, 1896, стр. 46), могу еще привести nůsal «nosík» — ср. vůzal «vozík», nůžal «nožík» (vůz, hůž), хотя не исключена возможность, что форма nůsal имела ранее в говоре своим предшественником nůsek.

3) Особенно часто нефонетические долготы являются в процессе словообразования.

Ограничусь указанием нескольких наиболее продуктивных категорий.

Образования с суффиксом -tel от глаголов: rouhatel (slovo nověji) utvořené, Geb. I, 595: rouhati), říditel (říditi) при фонетическом ředitel (ср. злинское řiditel, Bart., Dialekt. mor. I, 9), dohlížitel (dohlížeti). Ср. фонетические kázati — kazatel, tázati — tazatel.

Образования с суффиксом -ař от существительных: drát — drátař, lék — lékař (в моравских говорах фонетические lekař, dratař),

[1] *stárъkъ фонетически дало бы *starek. Известное влияние должно было принадлежать еще и stár.

máslo — máslař (при mýdlo — mydlař, víno — vinař и под. Ср. Gebauer, I, 594). Таковы же отлагольные písař — písati.

Реже подобное производство при ář : loutka — loutkář.

Производные с суффиксом -ač. Ряд слов сохраняет долготу соответственных глаголов: číhati — číhač, dohlédati — dohlédač, dolézati — dolézač, louskati — louskač, látati — látač (при latač). Ср. моравские фонетические формы: stříkat — střikač, pomáhat — pomahač (Bart. I, 9) и литер. udavač (udávati).

Производные с суффиксом -al: čmárati — čmáral, dloubati — dloubal, kývati — kýval, obírati — obíralka.

Образования с суффиксом -ík: král — králík «кролик», náhlý — náhlík «горячка» (о человеке). Ср. и -ice — králice «самка кролика». Многие образования на -ina: dávní — dávnina, písek — píština, písčina, houšť — houština.

Отдельные на -ice, -ička: část — částice, číslo — číslice, náhlý — náhlice, sítný — sítnice.

Производные от глаголов на -aná, -anka, -anina: číhati — číhaná, číhanka, hádati — hádanka, lámati — lámanina «1) ломань, 2) перелом», lámanka «драная крупа», látati — látanina, písati — písanka.

Отдельные на -ista: housle — houslista.

Отдельные на -dlo: číhati — číhadlo, kývati — kývadlo (при фонетическом kyvadlo), svírati «щемить» — svíradlo «тиски» (при svěradlo), kouřiti — kouřidlo, svítiti — svíidlo. Ср. páčiti «ломать» — фонетич. pačidlo «лом, пешня», stíniti «бросать тень» — stinidlo «глазной зонтик, абажур», strouhati — struhadlo.

Образования на -iště: sít, -u «сит, ситник» — sítiště «ситовье», číslo — čísliště «циферблат».

Образования на -ivo: kouřiti — kouřivo, léčiti — léčivo, loužiti (при lužiti) — louživo, svítiti — svítivo; но ср. páliti — palivo, písati — pisivo.

В производных от форм вроде holoubě, осложненных суффиксом (-át)ko, долгота предшествующего этому суффиксу гласного сохраняется — holoubátko, house — housátko.

Образования на -ní: louskati — louskání, střídati — střídání, hvízdati — hvízdání.

Образования на -oví: dřín — dřínoví.

Производные на -ost': střídmý — střídmost', dílný — dílnost', okrouhlý — okrouhlost'.

Adjectiva на -avý имеют долготу соответственных глаголов: dotýkati — dotýkavý, houpati — houpavý (ср. и houpavisko), chvátati — chvátavý, chápati — chápavý. Ее же встречаем в производных от долготных прилагательных: dlouhý — dlouhavý. Ср., однако, třásati — třasavý (třasavisko), žíla — žilavý.

Примечание. Образования на -lavý имеют фонетическую краткость: сопоставьте pískavý и pisklavý.

Вполне параллельны прилагательным на -avý и прилагательные на -ivý: dováděti — dovádivý, náhliti — náhlivý.

Образования на -atý: křídlo — křídlatý, vlákno — vláknatý.

Образования на -ní: křídlo — křídelní.

Производные на -ový: dřín — dřínový.

Как факты словопроизводства удобно рассматривать и префиксальные формы глаголов. Соответственные образования с акутированными корнями отражают большей частью в литературном языке фонетические краткости: dáti — podati, znáti — poznati.

Там, где выступают формы с долготой (главным образом, при -íti) вполне прозрачно влияние соответственных простых глаголов, и нефонетический характер этих образований даст себя знать многочисленными колебаниями: naliti и nalíti, pobiti и pobíti и под. (см. Gebauer, III, II, 76).

По существу то же можно сказать об инфинитивах на -yti. Как ясно из bejti (< býti), не имеющего, однако, при себе параллельных *dobejti, *odbejti (Žer. Kat.), в древне-чешском соответствующий фонетический закон выдерживался (Geb., op. cit., 77). С течением времени все чаще -ýti проникает и в префиксальные инфинитивы: dobýti, přikrýti и под. (при фонетических dobyti, přikryti). Книжная традиция не спасает последних форм, так как узус, особенно в западном

наречии, все более заявляет свои права на формы, совпадающие с простыми глаголами. Там, где ý > ej, в пользу обобщения действует то обстоятельство, что между формами krejti и pokryti была бы слишком значительная качественная (не только количественная) разница (ср. и Geb., op. cit., 78). Этим же принципом, может быть, объясняется и преимущественное распространение аналогических форм в случае u || ou: plouti — vyplouti и под. (ср. и schnouti — uschnouti), хотя альтернация u || ou — распространенный факт чешского языка.

Особое направление аналогии отмечается в случае закрытых слогов: pásti — napásti, krásti — vykrásti, nésti — přinésti, uhrýzti — uhrýzti, хотя известно и употребление přinesti, uhryzti, и под. Гебауер утверждает (op. cit., 75), что «při typu ˘˘˘ trvá nyní jen některý spisovatel nebo časopis, jako pravidlo obecné ujal a ustalil se v jazyku spisovném typus ˘—˘.

Особо следует оговорить образования с праславянским суффиксом -ьса (словацк. -ca, чешск. -ce). Здесь, повидимому, приходится исходить из различных индуцирующих категорий.

Производные от непрефиксальных слов в словацком обнаруживают краткость, если исходное слово имело краткость, и долготу, если оно было долгим: radca, vodca (radit', vodit'), но stráža (strážit'), vládca (vládat'). Старое «фонетическое» образование имеем в dárca (удлинение в закрытом слоге рефлекса циркумфлексовой долготы — известное, кроме данной категории, еще в образованиях на *-зка* ср. dárkyňa).[1]

Префиксальные выступают с краткостью корневого слога: zradca, zvodca, ochranca, obranca, obhajca, zbojca, zástupca.[2]

В чешском производные от непрефиксальных, повидимому, в ряде случаев фонетически удлинялись: dárce, vůdce, škůdce и под. Другие, вроде krádce, dávce (от dávati) с коренным гласным акутированным, подверглись их влиянию, хотя встречаем и kujce.

Производные от глаголов на iti почти последовательно провели краткость при долготе в основе глагола, но долготу — при краткости:

[1] Неясно sudca от súdit'. Из формы, параллельной ч. sudí «судья»?

[2] Správca, видимо, чехизм.

chvalce — chváliti, davce — dáviti, но rádce — raditi, plátce — platiti и под. Отступают mluvce, soudce.[1]

Имеющие неслоговой префикс подчиняются этой же тенденции: zhoubce — zhubiti, smlouvce — smluviti, но slibce — slíbiti.

В других случаях имеем колебание влияний: ср. ochráncę, от ochrániti и ochrance — от ochrana, opravce — oprava, opraviti и oprávce — oprávka = «oprava», dodavce — ср. dodavatel, dodavač, odbojce — odboj и фонетическое odbůjce, odporce — odpor и фонетическое odpůrce, odplátce (ср. odplátka) и předplatce (ср. předplatiti).

Повидимому более первоначальны варианты с краткостью.

Там, где отглагольного существительного нет, кажется, выдерживается гласный глагола: odháněti — odhánce, obhájiti — obhájce.

Словопроизводство и вне пределов известных материальных групп являлось в чешском (и словацком) благоприятным условием для проникновения долгот: разрешение пропорций в словообразовании мы имеем, напр., при суффиксах -ъka, -ьka, -ъkъ, -ьkъ, -ъko, -ьko: по аналогии «фонетических» отношений brada:brádka, hlava:hlávka,[2] появлялись иногда kniha:knížka, děva:dívka (ср. děvka с другим значением) и под., у которых фонетически в закрытом слоге акутированный гласный удлинению не подлежал. Чаще, однако, наблюдается материальное уподобление основному слову: pata — patka, ruka — ručka (при фонетическом roučka и под.) — формы с циркумфлектированным гласным, который в закрытом слоге рефлектировался в этой категории в виде долготы.

В тех случаях, где непроизводное слово сохранило в корневом слоге рефлекс акутированной долготы, слово производное получало иногда долготу по аналогии oxytona и новоакутовых, у которых производное выступало с новоакутовой, сохранявшейся в чешском и словацком как долгота: ср. hráze:hrázka (чакавск. grája), svíce:svíčka (русск.

---

[1] Snoubiti — snubce имеют при себе snoubce.

В формах brada, hlava, разумеется, краткость из других падежей (см. выше). — Фонетичность brádka и под. условна, так как ограничена морфологическими категориями.

свечá, свечý) и подобным образом míra : mírka (при фонетическом měrka), jáma : jámka (при фонетическом jamka) и др. (сербск. мjѣ̏ра, jа̀ма).

У neutra разрешению пропорций обязаны своим появлением dno : dýnko и пр.: ср. ucho : úško (словинск. uhọ̑) и под. У masculina -nos : nůsek, had : hádek, vnuk : vnouček (ср. фонетические при циркумфлектированном корне -kus — kousek, chlad — chládek).

4) Случаи, когда непроизводные слова подверглись влиянию более употребительных производных.

Сюда относятся такие слова, как:

Словацк. brús, диал. brous (Dušek, II, 54), которое, повидимому, отвлечено из brúsek, brousek с тем же значением: ср. чешское фонетическое brus.

Bloud «дурачок» — из bloudek с тем же значением.

Др.-чешск. dár (Trávníček, Listy fil. XLVIII, 106) — из dárek с тем же значением.

Část' отвлечено из částka: ср. -á- вм. др.-чешск. čiest, gen. sg. čiesti (částka — форма фонетическая — см. Gebauer, I, 93).

Диал. kús имеет долготу под влиянием параллельного kousek (kúsek) с тем же значением. Это же можно предполагать и для диалектических chlád (ср. chládek), stán (ср. stánek) и некоторых других.

Возможно, что случаи этого же рода представляют sáně (при saně): ср. sáňky и dvéře (при dveře): ср. dvérce, dvéřce. Известные вероятности говорят также в вторичность řád «ряд, порядок», словацк. riad, польск. rząd — gen. sg. rządu — ср. pořádek, poriadek, porządek < *porę̄dъ̀kъ. Эпоха образования долготного варианта спорна.

Результат в пользу краткостей имеем, может быть, в děd, вм. *díd (сербск. дjѣ̏д) из ласкательного dědek; kur (при kour) из kurek.

5) Наконец, проникновение долгот вместо фонетических краткостей в материальные группы бывает обязано особенно большому количеству долготных форм в соответственных парадигмах.

Таковы новочешские imperativ'ы koupiž, soudiž, vstoupiž и под. (Gebauer, I, 605), вызванные влиянием всей системы форм данных

глаголов: ср. инфинитивы — koupiti, souditi, vstoupiti, praesent. indic. koupím, soudím, vstoupím. Из диалектических подобных фактов см. подлужские (Podluží): uváž, napíš, nemlát' и под. (Trávníček, O českém jazyce, 44).

Таковы некоторые instr. sg. krásou, láskou и др.

Гебауер (III, I, 183) отмечает «Substantiva, ve kterých kráceni se děje, jsou většinou významu hmotného», и этот факт хорошо согласуется с отсутствием добавочного влияния многих краткостных форм dualis и pluralis у abstracta, instr. sing. у которых таким образом особенно предоставлен влиянию долготных форм singularis.

Описанные категории охватывают материал, который, мне кажется, с большими вероятностями может быть отнесен к эпохе особной жизни чешско-словацкой ветви. Упомяну явления отчасти спорные, что касается их хронологии, отчасти несомненно принадлежащие к более ранней эпохе, главным образом, западно-славянской. Сюда отношу следующие случаи:

Обобщения краткостей.

а) Типы на *ьba, *ьda. В положении перед ударением рефлексы долгот и в закрытых слогах выступают в чешском и словацком, как и в других славянских языках, в виде долготы. Между тем, в праславянских типах на *ьba, *ьda мы имеем почти сплошь краткости: чешск. střelba, družba, služba, sudba, tužba, словацк. mlat'ba, služba, družba «шафер» и под., но túžba, súžba, súdba; чешск. и словацк. vražda.

По поводу этих форм возможны две догадки:

Возможно, что в праславянском эти образования отразили сокращение долготы в инфинитивах, от которых произведены, т. е. *služiti, *sǫditi и т. п. Позже, в особой жизни славянских языков долгота в инфинитивах восстановлена была под влиянием praes. ind. Ср. др.-польск. błędzić, sędzić и под.,[1] словинск. čĩńić, mlùocĕc, др.-чешск.

[1] Nehring, Arch. f. slav. Phil. V, 246; Кульбакин, Изв. ОРЯС, 1906 XI, кн. 4, отт. 21—22; Vondrák, Další přísp., 7—8.

(Венец. Библ. 1506 г.) suditi, stupiti и под.,[1] но в образования на *ьba, *ьda уже, вообще говоря, не проникала. Ср. и сербск. слу̀жба, дру̀жба и под.

Не исключена также возможность, что nom. sg. и другие формы с первоначально подударным окончанием утратили фонетическую долготу под влиянием краткости в форме acc. sg.: ср. *drûžьbǫ > *družbu и *drūžьba' > *drūžba', *slûžьbǫ > službu и *slūžьba' > *slūžba'. Возможность такого влияния подтверждается русскими и украинскими *дру́жба, слу́жба* (ср. и более старое украинск. *дружба́,* Smal-Stockyj und Gartner, Gramm. der ukrain. Sprache, 119) и сербск. slûžba (Дубровник).[2]

б) Тип с суффиксом -ьсь. Суффикс -ьсь в праславянском выступал нередко при акутированных корнях: *brátьсь, *stárьсь, и потому фонетическими являются чешские формы gen. sg. starce, dat. sg. starci и т. д. Уже, повидимому, в западно-славянскую эпоху, проявилась тенденция обобщать краткость в подобных образованиях, независимо от первоначальной интонации и места ударения:[3] Hradec, věnec, prašec, mudřec, skupec, slepec и под.: ср. русск. *вене́ц,* gen. sg. *венца́, мудре́ц,* gen. sg. *мудреца́, скупе́ц,* gen. sg. *скупца́, слепе́ц,* gen. sg. *слепца́,* сербск. гра́дац, gen. sg. гра́ца, вијѐнац, gen. sg. вијѐнца и под. Отступления представляют фонетические формы: doubec, koutec, mládec и под. от корней циркумфлектированных или от oxytona. Реже в виду сходства с последними новообразования типа týn — týnec.

в) Praes. ind. и производные от него формы 1-го класса с былым конечным ударением.

Где бы ни искать исходного пункта грамматической аналогии, перенесшей в данный тип краткости, явление это приходится признать, как

---

[1] Grünenthal, Der westslavische Akzent, KZ, 50,3—4.

[2] Более сомнений вызывают словинск. drûžba, slûžba (при druzbà, službà), у которых acc. sg. фонетически звучит družbǫ̂, službǫ̂. Они наталкивают на мысль, что, если собирательные значения «Gesellschaft», «Gefährten» предшествовали отвлеченным «Kameradschaft», «Dienst», индуцирующим мог оказаться и vocativus.

[3] По крайней мере, мы находим ее, кроме чешского и словацкого, еще и в кашубском: ср. kũpc, bjìęlc, vjĩnc и под.

обще-западно-славянское, восходящим к эпохе до-чешской: чешск. třasu, třeseš, třese, польск. trzęsę, trzęsiesz, trzęsie, кашубск. (словинц.) třąsą, třąsěš и т. д.

г) Возможно, как замечено выше, что в западно-славянскую эпоху уходит и обобщение краткостей под влиянием остальных форм парадигмы в формах fem. sing. циркумфлектированных корней у adjectiva и partic. praet. на -la.

Обобщения долгот:

а) Имена на *ę, gen. sg. -*ęte с ударением на *ę: чешск. house, gen. sg. housete, словацк. húsa, gen. sg. húsat'a, словинск. gosè, gen. sg. gosęta, украинск. *гуся́*, gen. sg. *гуся́ти* и под., сербск. дијѐте, gen. sg. дјѐтета.

Долгота коренного слога в косвенных падежах нефонетическая (ср. сербск.). Обобщение ее имеем и в польском: gąsię — gąsięcia.

В большинстве говоров эту же черту обнаруживает и кашубский: dřėvą — dřėvica, dřėvąca, plur. dřėvąta (F. Lorentz, Pomoranische Sprache, § 179). Не будет, кажется, смелым думать, что соответственная аналогическая тенденция начатками уходит уже в западно-славянскую эпоху. Это тем необходимее предполагать, что иначе трудно понять различие судьбы на чешской почве *kúrę и *gǭsę́: в чешском nom.-acc. sg. одинаково дал бы долготу, и типы эти соответственно смешались бы, если бы уже ранее не произошло их дифференциации, т. е. если бы у *gǭsę́ и под. не обобщилась долгота во всей парадигме.

В некоторых случаях, повидимому, имеет место контаминация обоих типов: ср. ráče, ráčete, словацк. ráča, -at'a из *rāčę́ и чешск. nom.-acc. pl. račata из *ráčęta (тип *ráčę, -ęte).

б) Долгота в инфинитивах на -ati и -iti.

В инфинитивах на -ati с ударением в праславянском на *a* ожидается фонетическое сокращение долготы предшествующего слога. Такое сокращение мы действительно наблюдаем в кашубском — ср. словинцск. pjĭsăc, dăxăc (praes. ind. pjîšą, dîšą) и др.-польск. oglyendacz, pozędacz (Пулавская псалтырь). O. Grünenthal (KZ, L, стр. 3—4) указывает и чешские памятники, где инфинитивы этого класса выступают с краткостями — в Венец. Библии 1506 г. (Biblij Czeská w Benat-

kach tisstená) почти без исключений, в Северин. Библии 1529 г. (Biblij Czeska w starem mieste Prazskem wytisstena) и псалтыри 1530 г. с колебанием между долготой и краткостью. Последнее обстоятельство, при общей непоследовательности обозначения долготы в памятниках, не позволяет, однако, придавать слишком большое значение выводу Грюненталя.

Современные данные сербского, польского и чешского (со словацким) указывают на подударную долготу, которая обычно трактуется как результат влияния praes. ind.: ср. сербо-чакавск. píšeš, píše и т. д. (с новоакутовой), infin. pīsȁt, pítǎš, pítǎ — pītȁt.

В виду приведенных выше показаний кашубского и др.-польского нельзя проникновение долготы в инфинитивы этого класса считать явлением праславянской или западно-славянской эпохи. Вернее, кажется, будет предположить, что в одну из этих эпох уходят корнями только начатки этого явления, достигшего полного своего развития лишь на почве отдельных языков.

Mutatis mutandis сказанное относится и к глаголам на -iti с ударением на *i* и с новоакутовой на корне в praes. ind. Ср. чешск. mlátiti, klátiti — русск. *молоти́ть, колоти́ть:* серб.-чакавск. mlátĭš, mlátĭ — mlātȉt.

С другой стороны кашубск. mlù̯ǫcĕc (словинц.) и под., др.-польск. błędzić, ſędzycz (ср. praes. ind. кашубск. mlṓu̯cïš, mlṓu̯cï, др.-польск. ſądziſz, ſądzy и под., хотя рядом встречается и ſędzy).[1] Наблюдения Грюненталя в чешских памятниках говорят о краткостных инфинитивах в данном классе.

II. Для префиксов чешский (и словацкий) обнаруживает четкую тенденцию обобщать долготы.

а) Наиболее отчетливая тенденция к аналогическому проведению долгот наблюдается в префиксах у substantiva:

У основ на ā в чешском слились два типа: имевший праславянскую новоакутовую на префиксе и сохранивший долготу префикса перед кор-

---

[1] См. подробнее Nehring, Arch. f. slav. Phil. V, 1881, 246; Кульбакин, Изв. ОРЯС, 1906, XI, кн. 4, отт. 21—22; Vondrák, Další příspěvky k nauce o praslovanském přízvuku, 1924, стр. 7—8.

нем с новоциркумфлексовой: чакавск. návada и prîlîka (ср. словинские примеры с обратным распределением — prílika и navâda). Совокупность их влияния сказалась, напр., в распространении у ряда краткостных префиксов аналогических долгот: dûvěra, prûprava (ср. dověra, proprava и под). В словацком аналогичные формы реже — dôvera. Ср. также чешск. и словацк. nádhera с акутированным в прошлом префиксом, подлежавшим сокращению.

В префиксы podъ-, otъ-, obъ-, o- долготы не проникли. Но диалектически известны и puodkova, puodpora и под. (Bart., I, 44).

От этих случаев следует отличать образования с былыми редуцированными в корне, в которых префиксы исстари имели новоакутовую, или параллельный ей рефлекс краткости: словинск. ǫ́tka из *ǫ́dъ-tъka, ǫ́žga из *ǫ́žьga — чешск. půtka, důtka, словацк. pôtka, dôtka. Здесь нуждаются в объяснении не долготы, а краткости.

Ospa, ozva могли, я думаю, долготу утратить фонетически, как другие начинающиеся на *o* формы с новоакутовой: osm, ostr. Для pocta, pomsta, pochva (pošva), может быть, роль сыграло колебание долготы и краткости в других случаях при po-.

Что касается *i*-основ, тоже проведших долготу в префиксах, то распространение здесь рефлексов новоакутовой, повидимому, специфически западно-славянское явление, хронологически уходящее в западнославянскую эпоху: námět', nápast', příchut', závět', souvrat', zápověd', přípověd', словацк. zápač, súvrat', zápověd', nápověd', в польском диалектически имеем zápowedź, záviść, в кашубском (словинск.) přîstǫ̂p, zą̌p◌̶ǫvjèʒ.

Представляется более вероятным, что путь западно-славянских языков был сходен со словинскими диалектами — происходило обобщение новоакутовой, перенятой от *ā*-основ. Наследие отношений вроде сербского типа нáпаст менее правдоподобно: ср. zápověd' — сербск. zàpovijed.

Чешский и словацкий продолжают основную тенденцию, перенося долготу и на краткостные префиксы: průtrž, průseč, průpověd', словацк. prôpověd'.

В *o*-основах masc. на обобщение долгот повлияло совпадение опять-таки двух типов — имевшего новоакутовую на префиксе (типа не-пра-

славянского) и подударного на краткостном корне, где долгий префикс в положении перед ударением сохранялся, как долгота. И здесь тенденция обобщать долготы по отношению к первому случаю западно-славянская: польск. (свакендз.) zoduch, кашубск. (словинц.) nâ̯ubjė̀g, nâ̯ukâz, přî̀rost, vî̀klȍd и под.; по отношению ко второму — ее мы находим и в сербском (ср. за̏врат и под.) и можем с большой вероятностью считать праславянской. Продукты дальнейшего подобного влияния в чешском — dûkaz, dûraz, průduch, průhled, průkaz, průjev, ср. dohad, doklad, produch, prohled, prokaz, projev, словацк. dôkaz, dônos, dôraz (при dosah, doklad и под.).

Вне общей тенденции во всех основах остались: префиксы pa- и pra-, имевшие с самого начала только акутовую интонацию — сербск. па̀губа, па̀влака, па̀мēт, па̀вīт, пра̀дjед, пра̀цēп, словинск. pámet, pánoga, pákoľ, práded и под. — чешск. paděra, paměť, panoha, praděd, pradoba и под. и roz — чешск. rozbor, rozdvoj и под., — префиксы, не имеющие параллельных себе предлогов; в словацком, однако, в отдельных случаях выступает ráz с долготой спорного происхождения — rázsocha, rázvora. Префикс *sǫ- который, рассуждая теоретически, должен был бы попасть в эту группу, в чешском, однако, тоже сплошь подвергся влиянию долготных префиксов — součin, soumrak, soused, в словацком тоже преобладает долгота súsek, sústava, súvrať, но есть и колеблющиеся случаи — súsed и sused и под.

Префикс pře < *per чаще краток в чешском: přehrada, přehyba, přeluda, přesada и под., хотя, вероятно, его же мы имеем в долготном виде в příhrada «перегородка», příluda «лесть, привидение, призрак». Избегать рефлекса долготы для чешского языка были смысловые основания — фонетическое совпадение с pří-.[1] В словацком, где такой опасности смешения не было, колебание — prebeda, presila, но priehrada, priesada. Впрочем, не исключена возможность, что и prebeda «о горе!» и presila «перевес, превосходство силы» — чехизмы (ср. přeběda, přesila — с тем же значением).[2]

---

[1] Иначе V. Vondrák, Příspěvky k nauce o praslov. přízvuku, 1924, § 29.

[2] Ср. и Czambel, Rukovät' spisovnej reči slovenskej, 1915, § 14.

Примеры других долготных префиксов, не отражающих общей тенденции сохранять долготу, единичны. В части можно видеть наследие праславянской старины: ср. naděje при náděje, словинск. nâdẹja, в других — nauka, при náuka фонетическую тенденцию сокращать долгую часть образовавшегося дифтонга (ср. словацк. zaucho при чешск. záušek «оплеуха»). Особняком стоит zahrada (в словацк. zahrada и záhrada), о котором ср. Vondrák, Příspěvky, стр. 20.

Наличие суффикса, вообще говоря, не препятствовало распространению долгот в префиксах, но роль сыграл известный «баланс» — они распространялись, если коренной гласный не был долгим: zátočina, půžitek, souvěrec, soutěska, náručí, záušnice, zátylek, zátravka, zátočka, но zaválka, zasýpátko, přirážka.

б) Префиксы у adjectiva (и производных от них adverbia).

Ná- и pří- выступают у adjectiva (и adverbia) с долготой: nábledý, nážlutý, příbledý, příjemný, přítomný (ср. Gebauer, I, 598), словацк. nábelavý, náčernavý, nádrsný, príjemný, prítomný. Аналогичные указания дает сербский нáжут, -а, -о < *nāžu̍t, нáтруо и под., и, вероятно, словинский nábẹ̀l. Возможно, что частично уже в праславянском соответственные префиксы имели или новоакутовую, или долготу перед ударением (что последовательно долгота проведена не была, доказывается кашубск. (словинск.) přästąpnĭ, přägläxĭ). И в том и в другом случае (кроме слов, где *nā и под. было перед ударяемой краткостью, и кроме производных от префиксальных substantiva) появление долготы неясно. Чешский, как видим, обнаруживает большую продуктивность подобных префиксов.

Характерно, однако, что префикс *per- «очень, наиболее», звучащий в сербском пре̏-, свою краткость в чешском сохраняет — překrasný, překvapný (ср. выше).

Прилагательные на -lý, как deverbativa, долготы в префиксе не получают — naměklý, nahodilý, nasládlý и под. (ср. сербск. нàсртљив — нàсртати). Отступления вроде návislý, přívislý очень редки.

Примечание. В нескольких глаголах, в которых префикс утратил обособленность значения, в четвертом от конца

слоге перед былым ударением исконно-долгого слога выступает в чешском долгота; инфинитивы — náviděti «быть расположенным к кому-нибудь, любить кого-нибудь», záviděti «завидовать», záviseti «зависеть». Что здесь явление не специфически чешское, доказывается сербским зáвидjети, нáвидjети се «sich vertragen mit jemand».[1] Ср. в этой же категории фактов долготу перед краткостью: чешск. náležeti «принадлежать, относиться, касаться, приличествовать» (укр. *належати*), ср. и příležeti, сербск. нáстojати «старати се око шта».

Теоретические соображения не дают возможности думать, что семасиологические причины определили здесь изменение ожидаемой краткости в префиксе, но неясным остается и фонетическое основание сохранения долготы, распространенной на всю соответствующую парадигму. Как бы то ни было, разгадку следует искать не на чешской, а на праславянской почве.

III. Действие грамматической аналогии в отношении суффиксов не обнаруживает заметных тенденций ни в сторону обобщения краткостей, ни в сторону обобщения долгот. Наблюдаются случаи и того и другого направления. Однотипные, напр., суффиксы с долготой и краткостью вполне уживаются рядом: kravař, vinař при sedlář, rybář, mydlář; smrkač «сморкун», smrkáč «носовой платок», bachář и česač; horal и nosál и под.

Обобщение краткостей можно заметить лишь в следующих случаях:

а) Из примеров zbíti, ctíti, schnouti, psáti < *sъbíti, *čьstíti, *sъchnǫ́ti, *pьsáti ясно, что в положении «редуцированный гласный + два следующих гласных полного образования, из которых первый подударный с акутовой интонацией» долгота в чешском сохранялась. Тем не менее, при суффиксах женского рода -ice, -ina, -ucha и под. мы имеем сплошь под влиянием многосложных только -ice, -ina, -ucha и под.: psice, psina, pstrucha (единственное известное мне отступление lžíce, с которым сравн. диал. žlice, Geb. I, 544).

[1] Во всех отношениях необычно украинск. нáвидiти.

b) В тех случаях, где праславянский язык имел суффикс с ударением на конечном гласном, в чешском теперь выступает краткое *i*: hlubina, bystřina, tišina — русск. *глубина́, быстрина́, тишина́*. Любопытно, что и сербский язык (штокавское наречие), для которого также действует правило о сохранении долготы перед конечным ударением, представляет в данном случае формы с краткостями: дуби̏на, быстри̏на «Klarheit», ти̏шина.

Словинское наречие кашубского языка своими glą̃bjină < *glǫbi'na, dãlănă < *dali'na делает правдоподобным, что диалектически смешались типы *i'na (concreta) и *ina' (abstracta). Можно думать также и об обобщении накоренного ударения. Подобные кашубскому процессы могли иметь место и в чешском (со словацким).

Нужно ли думать, что в ina *i* было циркумфлектированным и поэтому именно сокращалось в чешском, кашубском и сербском? Такое различие судьбы предударной акутовой и циркумфлексовой долготы никак не может считаться доказанным для других случаев. Поэтому не следует придавать решающего значения в этом смысле штокавским — nom. sg. дуби̏на, acc. sg. ду̏бину, nom. asc. pl. ду̏бине, nom. sg. живи̏на, acc. sg. жи̏вину, nom. acc. pl. жи̏вине, которые только внешне напоминают подвижность ударения в парадигмах с циркумфлексовыми долготами. Здесь возможно влияние типа abstracta на -ota', — nom. sg. срамо̀та, acc. sg. сра̏моту и т. п., не говорящее по существу о праславянских отношениях.[1]

в) Диалектически -ic, как рефлекс *-ęсь с акутированным носовым подвергся влиянию суффикса -ic < *ісь: zajic, měsic (Bart. II, 13, Hošek, 18 и др.) под влиянием božic, králevic и под. (ср. и krajic вм. литературного krajíc).

г) Фонетические формы chtíti, smíti < *chъtěti, *sъměti под влиянием префиксальных фонетических zachtěti se, nesměti и под. получили вм. *í* примету *ě* — chtěti, směti. Здесь известную роль могло

[1] Еще шире подобные влияния в Дубровнике. См. материал Решетара в «Die serbokroatische Betonung südvestlicher Mundarten», 853. Объяснения чакавского -ína (с «новоакутовой» интонацией) следует искать исключительно на чакавской почве, хотя, может быть, разгадка и не столь проста, как думал Лескин, Gramm. der serbokroatischen Sprache, § 275.

сыграть оберегание приметы класса, обозначавшего непереходность. Существует, однако, и противоположное направление уподобления, когда *í* проникает из непрефиксальных в инфинитивы префиксальные: zahřmíti при zahřměti, zardíti se и zarděti se, вероятно, не без поддержки *í* praes. indic. (ср. Geb. III, II, 76—77 стр.). Примеров других подобных явлений не привожу.

Обобщения долгот наблюдаются в следующих категориях:

a) При суффиксах *-ъkъ, *-ъko часто удлиняется гласный предшествующего непроизводительного суффикса (ср. подобное явление у корневых элементов): skřivan — skřivánek, beran — beránek, večer — večírek, člověk — človíček, jazyk — jazýček, kopyto — kopýtko, koryto — korýtko (korýtce), hrdlo — hrdélko и под.

b) В инфинитивах на -ěti словацкий обнаруживает сплошь долготу на -ie. Ее следует скорее всего возвести к влиянию форм praes. indic. с окончаниями -iem, -ieš, -ie из стяжения, т. е. в тех глаголах, где примета класса была производительной: rozumiem, rozumieš, rozumie — rozumiet' (но формы part. praeter. сохранили старину — rozumel, -a, -o). Распространению этой особенности и на другие глаголы, где -ě (-tь) было непроизводительно, могли помочь также фонетические инфинитивы как mriet' < meřti' и под. Меньше диалектическая область охвата другой, чешской черты, аналогичной данной: volát, vorát и под. под влиянием volám, vorám и под.

c) Part. praet. passivi на -en, -ěn. Повидимому, под влиянием part. praet. passivi на -án, -ána и т. д. диалектически произошло удлинение -en в -én (-ýn, -ín), а -ěn в -ien. Примеры из памятников см. у Гебауера, I, 603 и III², 2, стр. 105 и далее. Диалектические современные, напр., у Травничка, O českém jazyce, стр. 10, 11, 30: je zametýno, pečíno, zaplacíno и под.

Особых замечаний требует суффикс -*anьje. В двусложных, как отмечено Гебауером (I, стр. 604), правилом является -aní: braní, zvaní, psaní. Краткость *a* следует считать фонетической и обязанной сокращению перед подударной в прошлом долготой конечного слога — *bьrānьje' > *brānī' > *braní. Редкие отступления в современном литературном языке относятся к случаям стяжений: stáni, láni < *stojánьje,

*lájaньje или к формам, получившим долготу под влиянием praes. ind.: dání ср. dám, lkání ср. lkám (z-mrtvých-vstání может отражать влияние stání). Отмеченные Гебауером случаи из памятников — braanije, řwánj и под., вероятно, стоят под влиянием соответствующих инфинитивов. Формы эти развития не получили.

У многосложных правило -ání: volání, koupání, pozvání. Формы эти считаю фонетическими: из *kǫ̑pănьje, *vòlănьje получались фонетически *kǫpânьje, *volânьje с новоакутовой, и эта долгота в чешском фонетически сохранялась. Древне-чешское и диалектическое распределение «á при предшествующей краткости: a при предшествующей долготе» отражает, повидимому, диалектически возобладавшее фонетическое явление — избегание трех рядом стоящих долгот. Под влиянием этих отношений диалектически, напр., в злинском говоре (Bartoš, I, 8) установилась нефонетическая долгота в случаях вроде chod'ění, dovolění при фонетических pálení, trápení.

Примечание. К эпохе уже западно-славянской, а возможно, и более ранней, относится обобщение долготы в подударном суффиксе -nǫ в инфинитивах (но не в partic. praeter. на -lъ, -la), повидимому перенятой от форм, где акутированное -nǫ было заударным и сохраняло долготу фонетически, ср.: чакавск. gi̇̂nūt, kȁpnūt, пол. ginąć, dźwignąć, словинц. b̥ȋnǫ́ʊ̯c̨, cą̄snǫ́ʊ̯c̨, чешск. hynouti, dvihnouti.[1]

IV. Особо следует оговорить действие грамматических ассоциаций по отношению к чешско-словацкой флексии (resp. гласным основ в сочетании с флективными приметами). Наряду с утратами былых конечных долгот, относящимися к конечным открытым слогам и носящим, повидимому, фонетический характер,[2] чешский и словацкий знают несомнен-

[1] Подробнее см. Л. А. Булаховский, ИОРЯС, XXXI, стр. 327.

[2] Такова чешская утрата -á в nom.-acc. pl. (в словацком perá, polia ее сохранение обязано поддержке форм dat. и loc. pl. на ám, ách), -ý в instr. pl. (ср., напр., моравск. s chlapý, s chlapci), диалектически даже окончаний стяженных — gen. pl. řeči, instr. sg. bolesti, ср. Hošek, 19; Dušek III, passim; Geb. I, § 509.

ные случаи аналитических удлинений, подчиняющихся заметной тенденции среди сходных окончаний одних и тех же падежей отдавать предпочтение долготным. Так, в большинстве говоров в окончании nom. pl. ove проникла долгота из основ на *i* masc. с окончанием *ьје, давших в сочетании с основами на согласный контаминационные формы на *-é:* ср. Geb. III, 1, § 322: «Délka v hosté proti nesúce atd. vyvinula se trvám tim, že také hostie bylo dlouhé; změnou hostie — hosté vyměnila se kvalita koncovky, ale kvantita zůstala, a zdloužené *-é* pak přijato také do tvarů zemané, synové atp.

Диалектически праславянское окончание *i* выступает как *í:* hoší, klucí, vojácí, при чем это имеет место, повидимому, как раз у одушевленных, подпадающих влиянию *í* из *ьје (ср. Hošek, Nářeči českomoravské, I, Podřečí Polenské, 1900, Gebauer I, 599).

Правдоподобно, что долгота в формах gen.-loc. dual. rukú, prsú > rukou, prsou поддержана влиянием dvú > dvou (ср. ст.-слав. дъвою).

Эти случаи ограничены специальным условием — наличностью в индуцирующей форме сверхдолготы из стяжения. Сюда же можно отнести древне-чешские глагольные формы praes. ind. вроде počné, nesé, подвергшиеся влиянию других классов с долготою, частично из стяжения: pytá, kopá, umí, vidí, mlátí и под. Ср. Vondrák, Vergl. slav. Gram.[2], 328.

В конечных закрытых слогах тоже осуществляется тенденция к обобщению долгот, в которой можно видеть своеобразное подчеркивание флексии, находящейся под известной угрозой в языке с начальным ударением (ср. латышск.). Сюда относятся проведение в большинстве говоров и в литературных языках окончаний -ám (dat. pl.) и -ách (loc. pl.) у *ā*-основ,[1] диалектические формы на -ámi — s kravámi,

---

Как свидетельствуют родственные языки, случаи с конечными гласными долгими, сохранившимися диалектически, имели на них новоакутовую интонацию (словинск. z bogí, s рьsí, посавск. s koñī). Диал. -mí объясняю влиянием *-ý* (ср. словинск. mï вм. *mji, Lorentz, Slovinz. Gramm., 237.

[1] Это, по всей вероятности, черта уже пра-чешско-словацкая: -am, -ach в юго-западных чешских говорах в согласии с их общим характером могут быть результатом позднейших, скорее всего, фонетических сокращений. Впечатление диалектического архаизма производит только ходск. loc. pl. на -ach

sestrámi (ср. напр. Bart. I, 40, 60, 84); в *o*-основах широкое распространение окончаний ům (dat. pl.), ův (gen. pl.) и ích (из -ěchъ), на значительно меньшей территории ôch (судя по словацким chlapom, chlapov и чешским диалектическим chlapom — см. напр. Trávníček, O českém jazyce, 25, 45, 49 и под., полудолготы обладали в этом отношении меньшей влиятельностью, чем полные долготы); у *i* основ диал. (валашск.) формы instr. pl. očíma, ušíma (с долготою из gen. pl. očí, uší и др.).

Л. Булаховский.

23 XI 26.

«ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

при dat. pl. на -ám, что подает мысль о фонетическом моменте изменения *amъ в *ámъ (влияние закрывавшего слог m) — ср. и словацк. nám. Относящийся сюда материал, однако, может еще во многих отношениях быть предметом спора.